

АНАТОЛИЙ КАРПОВ ОБЪЯВЛЯЕТ МАТ ЧИНОВНИКАМ МИНКУЛЬТА И ВНОВЬ ОБРАЩАЕТСЯ К ПРЕЗИДЕНТУ ПУТИНУ

Газета «Русский курьер», 2 марта 2004 г.

Поводом для беседы с выдающимся шахматистом, известным в России и мире общественным деятелем, стала отнюдь не спортивная тема. В декабре 2003 г. Анатолий Евгеньевич вместе с рядом деятелей российской культуры и политики подписал Обращение к Президенту Российской Федерации В.Путину. Авторы коллективного письма обращали внимание Президента на ситуацию, сложившуюся вокруг наследия семьи Рерихов в России.

Министерство культуры РФ извратило волю С.Н.Рериха — последнего из Рерихов и незаконно национализировало коллекцию картин, которую Святослав Николаевич завещал Международному Центру Рерихов. Он сам и создавал этот центр, являлся его почетным президентом. Президент РФ на Обращение не ответил...

Зато ответил... министр культуры РФ М.Е.Швыдкой. По «личному ли поручению» Президента России, сам ли вдохновился эпистолией, Бог весть, но ничего внятного по существу поднятых вопросов министр деятелям культуры не сказал. В середине февраля А.Е.Карпов получил еще один ответ на коллективное обращение — уже от генерального директора Государственного музея искусства народов Востока В.А.Набатчикова. Последний «полагает» (так и написал), что А.Е.Карпов «не вполне осведомлен...» по существу проблематики. Директор госмузея решил осведомить и просветить уважаемого адресата.

Это письмо и послужило поводом для встречи корреспондентов «РК» с Анатолием Евгеньевичем.

— В отличие от Владимира Александровича я не сомневаюсь в его осведомленности. Что же до меня, то никогда бы не поставил свою подпись под документом, не зная сути дела. Ибо ко всему привык относиться ответственно.

Что касается моей «неосведомленности». Я был лично знаком со Святославом Николаевичем Рерихом, встречался с ним, и вся драма последних лет его жизни, в особенности вокруг наследия, проходила на моих глазах. Смею утверждать: Министерство культуры и Госмузей Востока незаконно удерживают часть наследия семьи Рерихов, а именно коллекцию картин. Ну что может быть яснее и логичнее: есть личная, письменно выраженная воля собственника, дарителя, завещателя, наконец, — передать наследие семьи Рерихов общественной организации — Советскому Фонду Рерихов. Так до распада СССР назывался нынешний Международный Центр Рерихов.

Поступайте в соответствии с этой ясно выраженной волей! Ведь все остальное от лукавого! Тем более что есть еще живые свидетели, в том числе и я, слава Богу! Если Россия устами Президента провозглашает диктатуру закона, то Вам, господа чиновники от культуры, выражаясь шахматным языком — мат!

Нет, чиновники ищут различные зацепки, чтобы выставить руководителей Центра Рерихов, меня в том числе, чуть ли не мошенниками.

— **Свое обращение к Президенту России, которое опубликовала газета «Комсомольская правда», вы назвали «Наследию Рерихов грозит уничтожение». Не преувеличили угрозу?**

— Мы назвали вещи своими именами. Советский фонд мира, который я тогда возглавлял, стоял у истоков создания Советского Фонда Рерихов. Наш фонд помог и финансово и морально становлению общественного Центра-Музея имени Н.К.Рериха, в том числе и началу реставрационных работ в усадьбе Лопухиных. Это здание выделил Фонду исполком Моссовета.

Вернусь еще раз к началу этой правовой истории. Святослав Николаевич Рерих еще при жизни передал на основании своего завещания принадлежащую ему часть семейного наследия Советскому Фонду Рерихов. Но после того как Советский Союз распался, и Фонд был переименован в Международный Центр Рерихов, Святослав Николаевич подтвердил права МЦР на переданное в СФР наследие. В его завещании перечислялись и 288 картин, которые на тот момент находились, подчеркиваю, на временном хранении у Министерства культуры в Государственном музее Востока.

В 1992 году в письме Президенту России Борису Николаевичу Ельцину (опять же я способствовал передаче письма) Святослав Николаевич просил вернуть коллекцию Международному Центру-Музею имени Н.К.Рериха.

— **И что?**

— Вот уже 12 лет возвращают.

— **Почему же не исполнена воля великого человека?**

— Надо знать нашу отечественную бюрократию с ее привычкой все грести под себя. В этом смысле наследию Рерихов действительно грозит уничтожение. Ведь неисполненная воля и есть уничтожение воли человека.

— **Хамовнический районный суд Москвы признал законным вхождение Международного Центра Рерихов в права наследования.**

— Удивительно, но г-н Набатчиков в письме ко мне называет это решение суда инспирированным.

— **Кем?**

— Надо полагать, руководством Международного Центра Рерихов. Когда нет правовых аргументов, начинаются подозрения и бессодержательные обвинения. Я знаю Генерального директора Музея имени Н.К.Рериха Людмилу Васильевну Шапошникову. Святослав Николаевич назначил ее исполнителем своего завещания. Представить, чтобы она что-то могла инспирировать в суде, невозможно. Такие обвинения рождаются, когда нет собственных убедительных доводов. Да и нет у руководителей МЦР никаких административных ресурсов в отличие от Минкультуры, чтобы инспирировать решения судов. У МЦР есть один, но главный ресурс, которого нет у Минкультуры, — воля С.Н.Рериха, который распорядился оставить наследие МЦР.

Меня особенно поразил фрагмент в письме г-на Набатчикова, в котором он искренне недоумевает: как смеет общественная организация «соперничать»

(слово-то какое подобрал) с государственными учреждениями в вопросах имущественных и неимущественных прав. Смысл пассажа г-на Набатчикова: болтается мол, тут под ногами «моська», мешает важному государственному «слону»... Забывчив г-н Набатчиков! Цивилизованное человечество потому и выработало институт общественного владения и контроля за имуществом выдающихся граждан мира, чтобы избежать... Впрочем, читатель сам решит, что имеется в виду.

— Тем не менее, Минкультуры сумел в президиуме Мосгорсуда отменить решение Хамовнического районного суда, который признал МЦР наследником С.Н.Рериха. Причём суд рассматривал заявление Минкультуры как представителя собственника коллекции. Как могло это случиться?

— У нас чиновники за годы реформ научились прекрасно приватизировать государственное имущество и национализировать частное. При этом не останавливаясь ни перед какими этическими нормами. Ведь что произошло в нашем случае?

30 января 1993 года Святослав Николаевич уходит из жизни.

И еще не успели пройти траурные церемонии, а директор Музея Востока г-н Набатчиков, не дождавшись истечения положенных по российскому законодательству 6 месяцев со дня смерти владельца имущества, издает приказ, которым переводит картины из временного хранения на постоянное. Не имея на руках ни одного документа, который бы подтверждал право музея на коллекцию! Такой юридической безграмотности со стороны госслужащего трудно представить.

А спустя 6 лет, в 1999 году, министр культуры В.Егоров, кстати, мой хороший и добрый товарищ, своим приказом подтверждает законность незаконного приказа директора музея. Уверен, если Владимир Константинович оставался бы министром, я смог бы найти весомые доводы, чтобы убедить в ошибочности его приказа по «делу» Рерихов.

— Что означали эти приказы?

— Да фактически национализацию наследия. И президиум Мосгорсуда признал государство собственником картин. Это якобы и явилось причиной отмены решения Хамовнического суда и отправления дела на новое рассмотрение. Немыслимо. Но ведь Святослав Николаевич еще при жизни поставил условие: коллекция картин не должна принадлежать чиновникам от государства. Он передавал ее исключительно общественному музею имени своего отца — Николая Константиновича Рериха, который сам и создал. Никакому Минкульту, никакому Музею Востока. Возможно, сравнение покажется некорректным, но оно невольно напрашивается. В начале 40-х г.г. прошлого века немцы вывозили из оккупированных территорий художественные ценности. Культурная нация повела себя как средневековые варвары. После распада СССР многие бывшие госчиновники ощутили себя такими же варварами-триумфаторами.

— Но, как временный хранитель, как попечитель картин, Минкульт разве не имел прав на наследие? Ведь Музей Востока все эти годы хранил

картины, организовывал выставки картин Рерихов по стране, нес определенные затраты.

— Если друг обращается к вам с просьбой сохранить какую-то вещь, для него очень ценную, причем не запрещает ее демонстрировать вашим гостям, вы же не вправе считать себя ее собственником. Вы знаете, что он передал ее вам на временное хранение, что, когда он вернется, вы ее ему возвратите. Это решается на уровне личных договоренностей, человеческой порядочности.

А в случае с коллекцией Рерихов существовали не просто устные, а документально подтвержденные договоренности, существовала ясно выраженная воля, закреплённая в завещании.

Есть еще одна правовая сторона проблемы. Минкульт сейчас пытается оправдаться тем, что МЦР якобы не является правопреемником СФР, которому С.Н.Рерих и передал наследие. Но Минкульт и те ведомства, которые разыграли этот «миф неправопреимственности», сознательно забывают о том, что переименование СФР в МЦР осуществлено не только при жизни С.Н.Рериха, но и по его решению. Более того, Святослав Николаевич, когда узнал, что Минкульт при помощи Минюста начал эту кампанию по признанию «неправопреемственности», написал письмо Президенту Б.Н.Ельцину с просьбой помочь вернуть картины из Музея Востока в МЦР и подтвердил у нотариуса права МЦР на переданное в СФР наследие. Так что представители Минкульта, мягко говоря, лукавят.

— Директор Музея Востока ссылается на результаты проверки Счетной палаты: она никаких нарушений в постановке картин на государственный учет не обнаружила, картины находились в книге даров. Стало быть, все по закону, в установленном порядке.

— По какому закону? В каком и кем установленном порядке? И что за книга даров? Откуда она взялась? Как в нее могли попасть картины, если Рерих их Музею Востока не дарил? Тут что ни вопрос, то без ответа. Счетная палата почему-то не стала разбираться в тех вопросах, которые были поставлены МЦР. Ведь мы просили проверить сохранность картин, а главное их соответствие завещанию С.Н.Рериха.

— Недавно руководители МЦР провели пресс-конференцию для журналистов, на которой подробно изложили всю историю многолетней борьбы за наследие. В ответ руководители Министерства культуры заявили: картины возвратим только после того, как будет решение суда, которое признает права МЦР на наследие Рериха. А суды против вас. Получается замкнутый круг.

— Я думаю, еще не исчерпан правовой ресурс. Мы будем добиваться, чтобы закон и право все-таки победили.

В этой ситуации меня, как руководителя Попечительского Совета, тревожит странная тенденция, которая ясно обозначилась в действиях Минкульта. Ведь государство теперь уже устами министра культуры М.Е.Швыдкого не просто отказывается вернуть картины. Оно претендует и на здание Центра-Музея имени Н.К.Рериха! То есть атака идет по всем направлениям. Министр культуры на телеэкране проповедует либеральные

ценности. На деле ведет себя как типичный выразитель интересов чиновничества.

Год назад, на юбилее Санкт-Петербурга, мы «столкнулись» с Михаилом Ефимовичем. Я пригласил его на «деловой завтрак», чтобы обсудить ряд вопросов, которые волнуют меня как гражданина, наконец, как чемпиона мира по шахматам. Ведь Михаил Ефимович в свое время довольно серьезно занимался шахматами. Михаил Ефимович взял инициативу в свои министерские руки и уже от своего имени пригласил меня на завтрак.

— **И что было в меню «завтрака по-министерски»?**

— До сегодняшнего дня не знаю!

То, что происходит в России с наследием Рерихов, особенно грустно, если сравнивать, как отнеслись к памяти наших выдающихся соотечественников в Индии. Там уже сейчас проходят торжества, посвященные 100-летию юбилею Святослава Николаевича. Открываются новые выставки, реставрируется фамильное имение. А российский Минкульт пытается окончательно надругаться над волей дарителя. Вот почему и было написано в Обращении к Президенту России: «Наследию Рерихов грозит уничтожение». Это не преувеличение.

Я еще раз, уже от себя лично, обращаюсь к Президенту России. Почему же чиновники, подчиненные Вам, издеваются над законом? Не уходите от ответа. Наследие Рерихов в опасности! Ситуация требует Вашего вмешательства.

— **Надеетесь все-таки получить ответ от Президента?**

— Das ist noch kein Endspiel. (Еще не эндшпиль.)

**Беседовали
Константин ВЕЛИЧКО, Лев ПЯТИГОРСКИЙ**